
АРИАДНА БОРИСОВА
ПЕРЕКРЕСТЬЕ ЗЕМНЫХ ПУТЕЙ
РОМАН-ОЛОНХО
ЛОНГ-ЛИСТ ПРЕМИИ «РУССКИЙ БУКЕР»
18+

Ариадна Валентиновна Борисова

Перекрестье земных путей

Серия «Имена. Российская проза»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74859341
Перекрестье земных путей : роман / Ариадна Борисова: АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-35681-8

Аннотация

Зло приближается к долине Элен. Почувствовав темную силу, люди саха потеряли покой. Везде им чудится неприятель и враг, и жрецы не могут образумить их.

Вот и юной жизнерадостной Илинэ не удалось избежать беды: обвинили ее в колдовстве и посадили под замок. Атын, тайно влюбленный в Илинэ, не может ей помочь: сам мучается от страшных проделок своего брата-близнеца.

А тем временем в небе начинается великое сражение, исход которого не берется предугадать даже самый сильный шаман.

Содержание

Брешь в таежных вратах 5
Домм первого вечера[1] 5
Домм второго вечера 40
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Ариадна Борисова
Перекрестье земных путей

Серия «Имена. Российская проза»

© Борисова А., 2026
© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Брешь в таежных вратах
Сказание шестое

Домм первого вечера[1]
Есть ли тень у призрака

Власти и силы жеребец пепельно-пегой масти был отменной. Легко ли одному стеречь яловых кобылиц и пугливых маток с лоншаками[2]? Он охранял их от зверья, в бури-метели прятал с безветренной стороны утесов, не подпускал двухтравных неслухов, без присмотра шатающихся поблизости, а тем паче взрослых чужих жеребцов. Почуяв опасность, вожак поднял голову и беспокойно раздул ноздри. Нет, не пахло злым лесным стариком, не залегшим в берлогу. Не принес ветер и ненавистный запах серой стаи. Чей же наполненный терпкой тревогою дух щекотнул чуткий нос?

Жеребец отогнал кобыл в перелесок и поскакал навстречу незваным гостям. Могучие мышцы крестца вздыбились и заиграли от предвкушения грядущего события. Коль пока-

---

[1] Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о божествах, духах и др. находится на последних страницах книги.

[2] Лоншак – жеребенок по первому году.

жется пришлый косяк, жестокая трепка ждет дерзкого чужака, посмевшего подвести своих лошадей к занятому в горах пастбищу с заиндевевшей во впадинах травой! Если же приблизились устрашенные кем-то кобылицы, так неплохо будет пополнить гарем новыми женами… Но тут морду жеребца обдала струя кислого воздуха, знакомо насыщенного перебродившим молоком и железом. Всегда нежданно являются эти двуногие! А ведь казалось, тягостные мысли о них за лето выжгло солнце!

Вожак застопорился, взрыв копытами стылую землю. Кольнула досадная память о том, как двуногие приучали его к послушанию. Дикий норов был обуздан не сразу и не вовсе, однако в той мере, чтобы не чинить людям препятствий в отборе, производимом в косяке ежегодно…

Путники залюбовались красавцем, что с яростно выкаченными глазами выскочил на тропу. Взвеялась по ветру дымчатая грива, по высеребренной дневными лучами шерсти разбросались приметные пежины. Трепеща ноздрями, вожак захрапел для острастки на взлаявшую собаку и повернул к оставленным женам.

Прошлой буранной, многоснежной зимой трое друзей – Дьоллох, Атын и Билэр – помогали табунщикам возить сено для подкормки бродячего молодняка и жеребят. Этот блудный косяк едва нашли. В завьюженных горах тяжело добывать пищу. Немудрено копыта разбить о камень, да и какая пожива с тверди, известно скупой на мураву? Но хит-

роумный жеребец разведал, что в широких изложинах южных склонов снег хоть и глубокий, но рыхлый, а смерзшийся травяной слой под ним толст и ломок. Получше тебенёвка[3], чем на болотине. Путаные лабиринты вытоптали лошади в сугробах между горными грядами, так что снизу распадки казались вышитыми опоясками в крутых великанских боках. Спугнешь кобыл – скрыться успеют, уйдут вслед за своим повелителем вверх по тайным тропам. Пока люди присматривались, над снежной гладью вынырнула голова сторожкого вожака. Он и в тот раз издалека их почуял, догадался о подспорье по запаху привезенного сена. Тогда-то небось не ярился, особым раскатистым ржаньем созвал косяк…

Нынче же снег задержался. Коровий месяц подошел к концу, а небо не торопилось набросить на землю пушистую доху. Мрачно чернел Великий лес, едва прикрытый рубищем палой листвы. Днем было ясно и холодно, ночи морозно потрескивали обледенелыми ветками. Лошади на равнинах маялись жаждой и трудно добывали воду, сообща прорубая копытами полыньи в промерзших озерах. А табунок пегого жеребца доверился горам, поднялся к вершинам и пил хрустальную воду высокогорных тары́нов[4], не подвластных ни солнцу, ни зимнему сну.

Парни и травник Отосут приехали сюда по наказу малого схода. Жрец должен был осмотреть лошадей и заодно про-

---

[3] Тебенёвка – зимняя пастьба лошадей.

[4] Тары́н – выпотевание воды на поверхности льда в водоемах горных речек.

вести обряд заклятия против хищников. Друзьям аймачные старшины поручили пригнать в долину жеребых кобыл под домашний надзор и жирных яловых кобылиц на убой.

Круглый год вольно пасутся лошади вдали от нечистого человеческого жилья. Им редко грозят недуги. Осенью особенно приятно глянуть на округлые крупы с пышными метлами отросших хвостов, на игру мышц, меховыми мячами катающихся в спинных изгибах. Густая шерсть не дает мерзнуть нагулянному за лето жиру. Наверное, люди саха потому так стойки к стуже, что питаются самым здоровым и сытным мясом, какое только измыслили светлые боги. Табунщики различают девять степеней упитанности круглокопытных. Желательной тучности лошади достигают к началу зимы. В это время их плоть нежна, а сало под холками с ребро ладони. Вот только чересчур боязливыми становятся грузные кобылицы. Случается, чего-нибудь испугавшись, несутся сломя голову и погибают от разрыва крытых многослойным жиром кишок.

Дородность лошадей зависит от пастбищного выбора вожака. Но сам он, кроме щадящего хорея, не познает ни кнута, ни стрижки и умрет собственной смертью, когда к нему в должный срок прискачет Ёлю. Люди снимут с четвероногого старшины красивую седую шкуру и предадут земле его тело с почестями и песнями, как полагается на похоронах вождя. Гордый дух старого жеребца снова послужит людям в туго натянутом табыке, призывая их к праздникам или, мо-

жет быть, к войнам…

Отогнанный вожаком косяк вернулся. Парни спешились в сосновом перелеске, что неплотной каймой охватывал край горы. Под гривами выносливых верховых было влажно, но не мокро. Значит, скоро остынут, изживут потную усталь и ввечеру допустятся к подножному корму. Добрая, говорят, пара – сытый всадник и голодный конь. Любому мальцу известно: перед длительной поездкой коня следует промять, подготовить к долгому пути в коротких пробежках. А после трудной дороги дать время выстояться без пищи и питья, не то взопреет и на глазах покроется взбухающими нарывами.

Старейшина Силис с согласия багалыка разрешил парням выбрать стригунов под седло. В предгорной долине встретилась кучка любопытного молодняка. Неприкаянные жеребчики, отбитые от табуна ревнивым вожаком, увязались за людьми. Недолго было размотать на ходу тонкие ремни, связать скользящие петли так, чтобы головы входили свободно.

Казалось, метать не будет нужды, сами подставят под накинутые ужища покорные выи. Ан нет, лишь послышался посвист арканов – камнепадом застучали копыта, врассыпную брызнули вспугнутые лошадки. Не сразу затянулись петли над теми, на кого пал выбор, и ремни накрутились на крюки седельных лук. Теперь три стреноженных стригуна стояли рядом с верховыми, дико кося глазами, боясь даже малым прыжком двинуться с места. Пока день был в разгаре, не терпелось объездить их мордами к солнцу, дабы ника-

кие тени пугливых не тревожили. Парни сбили покуда шалаш с толстым сосновым ложем, наполнили бурдюки свежей водой. Натаскали гору сушняка – до утра хватит костер кормить. Еле дождались похлебки. Дьоллох торопливо сдернул бурлящий котелок с рогули и пролил часть варева.

Отосут с толком-расстановкой собирался пообедать после благодарения местных духов. Наблюдал, как друзья обжигаются горячей похлебкой, и не мог удержаться от смеха. Потом подумалось с грустной в душе улыбкой: отчего старики живут не спеша, будто впереди их ждет еще добрый осуохай весен, а юные мчатся, точно на пятки им наступает ножища Ёлю?.. Одернул себя: не след, творя молитву, послаблять голову досужими мыслями. Надо покумекать, где будет складнее звучать заклятие – важное вспоможение к зиме радетельному вожаку. А ускачут сорванцы удаль тешить, закутается жрец в шкуры и подремлет на упругом лапнике, набираясь сил у здешней земли. Неизвестно еще, добром ли примут долинных гостей нравные горные духи.

Пес Мойтурук сообразил, что парни куда-то навострились, – взволновался, свернул кольцом пушистый хвост и замельтешил вокруг. Радостно покусывал переметные сумы, волок зубами хворост: глядите, и я стараюсь, так не забудьте меня в забавах! Но впустую чаялись собачьи надежды – молодой хозяин велел сторожить лагерь и травника. Обиженно скуля, Мойтурук уткнулся Отосуту в ноги. Не хотел видеть, как веселый Атын взнуздывает жеребчика. Даже горсть су-

хого творога – остаток скудного жреческого обеда – пса не утешила.

Едва травник допел последнее слово молитвы, парни запрыгнули на необъезженных лошадей и стиснули коленями тугие бока. Удаляясь по черной тропе, яркой поземкой взвихрились белые бабки мышастой лошадки, залученной Билэром. За нею улетел поджарый, темно-серой масти стригун Дьоллоха. Россыпь светлых пятен по пепельной шерсти Атынова избранника указывала на ближнее родство с пегим вожаком. Запрокидывая голову, жеребчик попытался встать на дыбы, но передние ноги перебрали воздух и гулко стукнули о землю копытами. Конек заржал изумленно, жалобно – острые железки удил больно врезались в губы. Седок удержался, стукнул строптивого в брюхо пятками. Тот снова издал пронзительный крик, будто провизжала тринадцативёсная деваха, которую ущипнули за округлившееся бедро…

Жрец качнул головой. Только б не сверзились наземь с незаседланных. Ну да был бы, говорят, нож отлит, а ножны найдутся, был бы объезжен конь – сладится седло! Скоро новехонькое конское снаряженье закрасуется на столбах в мужской половине юрт. К возвращению домой капризные стригуны приучатся к сбруе и грузу, перестанут брыкаться, завьюченные, катаясь по земле. Если зима выдастся не слишком морозной и станет надобность в дальней поездке, будут готовы проходить под поклажей столько кёсов, сколько выдержит всадник.

Нет крепче и закаленнее лошадей, чем коренастые, длинношерстные лошади народа саха, зимою схожие издали со стогами сена, летом неприметные в разнотравье аласов. Нет сметливее их, диких, но не лютых, понятливых в укрощении и муштре. Ни в пище, ни в крове не зависят они от людей и были бы свободными детьми Бай-Байаная, да людям без них не прожить.

* * *

В развилке троп всадники унеслись в разные стороны. Поди-ка найди их теперь в путанице звериных и конских дорожек, источивших предгорье, как жучки больное дерево! Придерживая жеребчика, Атын тщетно вглядывался в редколесье, надеясь увидеть друзей. На свету в проемах тропинок иногда вырисовывались четкие фигурки ветвисторогих – то выскочит тонконогий гуран, то статный изюбр качнет новым кустистым венцом, но человек на коне не показался ни разу.

Атын настороженно прислушался к себе и рассердился. Измаяла душу потребность жаться ближе к людям из страха уединения. Надоело бояться близнеца, будто малыш темноты! Вдруг пришла странная мысль: а не придумал ли он, Атын, сам двойника? Может, нет его вовсе, а есть еженощный ужас, непрестанный морок, которому он дал зачем-то имя и облик?..

Да, но вечным напоминанием о Соннуке висит на спине обруч с мешком, полным одежи на случай его нежданного явленья… Встряхнувшись, окоротил себя: не ворожи, не приманивай призрака!

Расслабились поводья, и пегий поскакал наперегонки с ветром. Шапка срывалась, в ушах свистало озорно и щекотно. Жеребчик был испуган и разозлен, но не поддался ярости. Выбирал дорожки прямые и надежные, опасаясь шею свернуть ненароком или глаз выхлестнуть веткой. И седока, таким образом, поберег. Атын прижался к теплой шее конька. В какой-то миг почудилось, будто слился с мускулистым лошадиным телом, уподобился могучему Кудаю и несется, взметая копытами железную окалину с троп холма о трех поясах. Бегущий навстречу лес расступался нескончаемым сквозным коридором. Впереди ослепительно-белым шаром катилось косматое солнце… И звонкая радость наполнила душу, а на ум пришло крылатое имя для того, кто был живым и настоящим.

– Ты – Дайи́р, – шепнул Атын в притиснутое к затылку ухо стригуна. – Дайир, что значит Парящий!

Конь побежал весело, вольготно, забыл о гнете, вправду полетел-запарил по-над лесом. Дыхание Атына зашлось в ветре, прутками визгливого воздуха засекло лицо!

Но понемногу Дайир перешел на рысь, затем на шаг и, наконец, побрел, спотыкаясь, как дряхлый одер. Быстро выдохся с непривычки по первому разу. Не столь был еще кре-

пок, чтобы долго скакать с тяжестью на хребте. Атын слез и, взяв уставшего стригуна под уздцы, неспешно двинулся рядом. Тот окатил разгоряченную щеку влагой шумного вздоха, мягко торкнулся мордой в плечо, то ли жалуясь, то ли ласки ища. Признал хозяина.

Погладив красавца по белой проточине, льющейся меж глаз к ноздрям, Атын взъерошил его взмокшую холку. Подумал, что не даст холостить и стричь весной. Пусть грива Дайира растет вольно, как у отца-вожака, серебристым облаком дыбится над головой в прыжке и крутой остановке. Хотя, конечно, красивая внешность скакуна и проворные ноги с крепкими сухожилиями не залог выигрышей на скачках. Сила сердца, легких и духа, дерзкое стремление первенства – вот что умножает волю к победе. А потому за Дайиром нужно ухаживать, как за дитятей, не пресекая желания быть обласканным, обучать с дальним прицелом и на празднике Новой весны опробовать в состязаниях. Надо вызнать секреты у тех витязей в дружине, что присматривают за боевыми лошадьми. Полученные от сильных маток и жеребцов, они содержатся в особой заботе. Ботуры, поднаторелые во взращивании коней, знают, сколько кёсов ежедневно должны одолевать отборные верховые шагом и бегом, когда следует кормить их жестким или мягким сеном, а когда сдобрить корм целебной накипью, снятой зимой со льда соляного источника. Летом Атын часто видел, как седые вояки купают лошадей в реках, вдосталь дают поваляться на горячем пес-

ке и после чистят шкуры скребницами. Боевые кони – лучшие скакуны. Подчиняются едва слышным командам и легким движениям всадников, умеют молниеносно останавливаться и разворачиваться на ходу, по приказу ложиться на бок, подобно спящим и мертвым… Ничего не боятся. Отвагу и мужество им прививают, приучая к огню, звону клинков и неумолчному бою табыков. У ратных круглокопытных свое Посвящение, и однажды усвоенное они никогда не забывают.

Приятные думы остались за поворотом тропы. Атын почувствовал озноб. Холод пролился по животу, промозглой зябью проник в колени. То, что телу сразу стало просторнее и легче, совсем не обрадовало. Дайир забеспокоился, всхрапнул и попятился со вскинутой головой: чего-то испугался. Вернее, кого-то…

– Зачем ты вышел? – хмуро спросил Атын, не оборачиваясь, и снял с плеч мешок со скаткой одежды. – До твоего времени еще полдня.

– До твоего времени! – передразнил двойник, стуча зубами и в злобном нетерпении подпрыгивая на мерзлой земле. – Оправдываться велишь? Что же мне, живущему будто в темнице, вовсе заказано наслаждаться солнцем, общим для всех?

– Наслаждайся. Только молча, если ты хоть немного на это способен!

Атын бросил мешок и едва не угодил близнецу в лицо. Тот

извернулся, выбросил вперед руку, поймал мешок за лямку, дернул узел-туомтуу, спеша одеться-обуться. Он всегда мерз, зато не знал человеческих хворей. «Только воины могут похвастать умением облачаться так споро», – подумал Атын со смесью уважения и досады.

– Я хочу покататься на нашей лошади, раз уж ты, как всегда, не подумал обо мне и не взял вторую, – заявил Соннук.

– Дайир утомился.

– Хм-м, Парящий! Ты не соизволил посоветоваться со мной и дал кличку сам! Не настолько он заморен, чтобы не выдержать мой вес! Я вполовину легче тебя.

Двойник лгал. По весу братья в последнее время почти сравнялись.

…Атын тщетно силился сделать Соннука настоящим человеком, год за годом призывая к колдовству шаманские умения и кузнечные инструменты. Снова и снова врывалась в темя двойника молния отраженного Сюра, снова огненная боль и хрусткая ломка сотрясали тела близнецов. На поверхностях граней волшебного камня бушевал поток, багровый, как кровь, а внутри было пусто и холодно. Наверняка существовала иная передача духа жизни, которая могла бы даровать плоть и силу призрачному телу, но Сата ее то ли не ведал, то ли не хотел открывать. Атын же и подавно не знал.

Каждый раз, поднимаясь с наковальни и становясь против света, Соннук спрашивал замирающим голосом:

– Есть у меня тень? Есть?!

Сам посмотреть не мог, слишком большая была пытка.

Юный кузнец молча опускал виноватую голову, не в силах глянуть в полные мольбы глаза близнеца, и они наливались отчаянными слезами. Вот что было в нем настоящим, как у всех людей, – слезы, выжатые из крови для освобождения ее от горечи.

Но не зря говорят, что частые слезы, облегчая сердце плачущего, попутно отмывают сострадание ближнего. Пришло время, когда Атыну начали претить бесконечные стоны братца. Заметив это, разобиженный Соннук прекратил просьбы дать ему настоящую жизнь и прибегнул к другому средству. Женщины стали удивляться, куда к утру исчезают оставленные с вечера на полке молоко и мясо. Соннук, прежде до еды не охочий, стал жадно поглощать снедь, спрятанную братом в условном месте, а заодно и то, что было уготовано домочадцами к завтрему.

Олджуна допытывалась у пасынка, и пришлось соврать, что ночью на него нападает неодолимый жор, заставляя сметать остатки ужина. Не объяснить было Соннуку, что обыкновенная пища не вылепит осязаемое тело, если не помогает и чародейство двойного джогура.

Братья, разные во всем, кроме обличья, с первого же дня взлелеяли одну на двоих страстную мечту – освободиться друг от друга. Но Соннук страшился, что не выживет один, а Атын боялся, что близнец учинит без призора какую-ни-

будь каверзу. Двойник повадился вылезать наружу в любое мгновенье, едва впереди начинало брезжить безлюдье, и развлекался тем, что изводил брата колкостями и попреками. Лишь благословенная ночь дарила Атыну временное спасение от докучливого близнеца. А тот шатался по кузнечному околотку, с тоской и завистью подсматривая в чужие окна. Ущербная душа до утра наполнялась радостями и печалями обманчиво близкого и несбыточно далекого бытия, что сияло живо и многоцветно. Собаки привыкли к странному созданию, бродячим обрывком тумана скользящему на ладонь от земли, бросили лаять впустую и признали своим. Осмотрительный Соннук не заходил дальше околицы.

Нередко во дворах происходили всякие несуразности. Люди приписывали их проискам проказливых бесов. Немудрено, что вещи порою переставляются с места на место или в коровниках учиняется переполох. Там, где обуздывается железо, довольно мстительных рудных духов, да и в юртах горазда озорничать мелкая нечисть. Спохватываясь, хозяйки угощали домашних пакостников свежими сливками, кузнецы ретивее окуривали-заговаривали железо.

Правду молвить, Атына немало удивляло, что невыносимая скука еще не понудила Соннука к крупным шалостям. От утреннего его пустословия никакого спасу не было. Чего только Атын не наслушался, каких только невольно не вызнавал секретов – глядеть соседям в глаза было совестно! Жена молотобойца Бытыка, черноглазая Дяба, снова мило-

валась в зароде с плавильщиком Кириком… А седой Балтысыт, не страшась греха, спит в одной постели с обеими старухами-женами, согревает мерзлячек теплом, набранным днем у жаркого горна… Кто б другой полез с подобными сплетками, немедля получил бы по любопытному носу! Атын готов был уши мхом заткнуть, однако бесстыжая болтовня давала понять, что, слава богам, сам близнец ничего худого не натворил.

Иногда на двойника находила добрая прихоть. Тогда он тихонько доделывал за брата какую-нибудь работу. Холодными ночами топил камелек вместо непробудно спящей Олджуны, подвешивал к теплу кинутую в угол Тимирову одежду, о которой баджа забыла побеспокоиться. А чашку воды занемогшей Уране всегда рад был поднести…

За все пять весен те, кто когда-либо мельком примечал Соннука, и краешком не заподозрили в нем другого, такого же, как сын хозяина. Кузнецы, включая Тимира, полагали, что это сам Атын. Считали его страдающим лунной болезнью – хождением во сне.

Этой весною Атын понял: больше так продолжаться не может. Да и какое бы естество смогло выдержать столь странное существование? Без того не отличаясь миролюбием, близнец сделался невыносимым. По привычке рассказывал о прошедших ночах, но явно чего-то недоговаривал. Встревоженный Атын попытался украдкой наблюдать за ним. Напрасно – чуткий двойник сразу обнаружил слежку, и кон-

ца-краю не стало обвинениям, в коих он находил изощренную усладу.

Нескончаемой мукой в мыслях и наяву был теперь Соннук, обретший не просто вкус к жизни, а безудержную, звериную тягу к ней. Ему хотелось уже не трогать и ощущать, а жадно рыться, рвать, мять и трепать; не отведывать и вкушать, а ненасытно грызть, жевать, жрать, лопать… Сонм вожделений въедался в душу, не имеющую земного, ключевого начала. Так поросль камыша поглощает некогда плодородную аласную землю, яростно визжа под острием горбатого батаса: «Жить! Жить, жить, жить-жить-жить!» Коси не коси, вредоносный камыш в конце концов берет свое, забивает собой заболоченное угодье…

Неполноценную плоть близнеца восполняло, взбухая и наливаясь черною силой, зреющее лихо, а Атын все ждал внезапного чуда. Казалось, вот придет оно, посланное светлым провидением, и не даст гибельным завязям подняться побегами, пустить ползучие корни в земле долины.

Что ни день, к губам двойника плотнее прикипала желчная ухмылка, будто дразня: «Знаю о думах твоих, знаю – извести меня хочешь!» В смятении Атын всматривался в глядельце, ища на своем лице такую же гримасу. А не было ее. Потому что и дум лукавых не было. Напротив, все чаще повзрослевший парень ломал голову над тем, как спасти несчастное свое творенье, вытянутое из инобытия вперекор божьему замыслу. Большей половиной Сюра и весен готов

был поделиться, если бы свыше чуть-чуть приоткрылась завеса над тайной создания настоящего человека. Мечтал вызволить брата из полужизни, из трясины манящих страстей, привести его к людям и все рассказать. Пусть наказывают, пусть хоть навсегда выгонят обоих… Любую цену заплатил бы Атын за спасение Соннука.

Любую – кроме одной. Не раз вспоминался белоглазый искуситель. Атын ждал его появления с ужасом в сердце, но чужеземец не явился в этом году на торжища, не потребовал отдать волшебный камень. Память подсовывала видение вздыбленной земли за спиной хохочущего странника. Атын решил: он не отдаст Сата, даже если этот демон пообещает исправить жизнь ему и брату от начала зарождения. Не могла бесценная Элен быть платой за избавление от страданий двух измаянных на Орто душ. Да и ни за что другое на свете.

Пока размышлял, на него из глядельца смотрело раздраженное, осунувшееся от вечного недосыпа лицо. Его лицо. Достать из кошеля на груди Сата и заглянуть в волшебные грани Атын не решался, почему-то уверенный, что увидит такое, отчего вовсе лишится сна.

…Крупно дрожа и приплясывая в страхе, стригун сделал попытку вытолкнуть удила к зубам и встать на дыбы, как в начале объездки.

– Надо было назвать его Трусливым, – пробурчал Соннук.

– Грех ругать невинную лошадь.

Предостережение прозвучало втуне. Двойник нарочно замахнулся на жеребчика:

– Стой, тварь с заячьим сердцем, уж я-то научу тебя повиноваться!

Тот шарахнулся в сторону. Атын едва не задохнулся от гнева:

– Не смей!

Двойник, кажется, больше удивился, чем осерчал. Отступил и неожиданно рассмеялся:

– Не верю ушам! Неужто какое-то дикое, безмозглое животное дороже тебе, чем я, такой же, как ты? – Поправил себя: – Почти такой же. Разница в том, что я умнее. Если б ты не забрал мой джогур…

– Ты сам всучил его мне, даже не предупредив, – напомнил Атын.

– Неблагодарный! – всплеснул Соннук руками, скрывая злость под дурашливостью. – Как бы то ни было, он у тебя, рядышком с твоим, кузнечным… И Сата лежит в кошеле на твоей, а не на моей груди! Из-за того что ты присвоил мой шаманский дар, я не могу камлать. Думаю, было бы справедливо отдать камень мне. Неравноценный обмен за джогур, но я мог бы с помощью Сата сам творить волшебство.

– Не ты нашел камень, – твердо сказал Атын.

– Не я. – Близнец сощурил глаза, блеснул ими насмешливо и надменно. – Помню, не я… А ты-то помнишь ли, что обещал отдать свою находку кому-то? Но не отдал.

Сердце Атына сжалось, кровь прерывистыми толчками побежала по жилам. Стараясь не выдать страха, дрогнувшей ладонью погладил стригуна по ганашам. Жеребчик притих, стрельнул смышленым глазом сначала в одного двуногого, потом в другого. Уши поднялись и вслушались в стрекочущую человечью речь.

Соннук промурлыкал:

– Все блестит, словно солнца луч, венец золотого шатра, в нем живет одинокий хан без солнца в разбитой душе…

Эту песню пел на позапрошлых многолюдных торгах человек из племени орхо. А минувшим летом базар прошел вялый, непраздничный. Не приехали кузнецы орхо. Не было и пронырливых нельгезидов из-за дуги моря Ламы, хотя до того не пропускали торжищ. Напрасно охотники всю зиму собирали красивую меховую рухлядь в обмен на чудесный шелк из страны Кытат для жен и подруг.

На второй торговый день из восточной стороны Великого леса прикочевали тонготы. Они принесли в Эрги-Эн страшную весть: знаменитый город Черная Крепость разрушен неизвестными врагами. И не просто разрушен, а стерт с лика Земли вместе с золотым шатром вышиною до неба и дружиной, числом как звезды над той стороной. То же подтвердили двое шаялов, слыхавшие у себя о лихе, постигшем народ орхо. А о причине отсутствия нельгезидов вообще никто не знал. Не сбылись опасения жрецов, которые предсказывали неприятности на торгах, и на том благо.

…На предыдущем, ярком торговом празднестве Атын встретился с белоглазым. При разговоре с ним в кошеле на груди мальчика лежал закостенелый человечек. Казался неживым, но, значит, все слышал?

– Я никому ничего не обещал, – сказал Атын.

– Ой ли? А ведь кое-кто сулился прийти за Сата.

– Странник не пришел… Откуда ты знаешь о нем? Тебя такого, какой ты есть теперь, тогда не было, – не стерпел Атын.

– Может, это тебя не было? – ощерился близнец, мрачно глянув исподлобья. – Может, это я разговаривал со странником, а ты сушеным трупиком лежал в кошеле?

И засопел, надвинулся темною тучей, не в силах превозмочь гнева:

– Это я, я изначально, в лоне матери нашей Ураны досоздал тебя из своей плоти и крови! А после ты и дар мой захватил!

– Мне надоело виниться перед тобой в том, чего я не сознавал! – вспыхнул Атын.

Губы едва судорогой не свело от желания сказать что-нибудь жгучее, веское, что пало бы на сердце камнем, да и выплеснуть в честной схватке накопленную боль. Но скрепился, сглотнул колючий ком обиды:

– Ты когда-то пытал меня, кто ты такой…

Двойник склонил голову набок и скривился во всегдашней ухмылке:

– Ну же, кто я?

– Ты – оборотень!

– Вот как… – Соннук тяжко помедлил. Тоже, видно, пережидал мятущиеся в груди, чреватые дракой порывы. – Оборотнями бывают люди со звериным нутром… Ты хочешь сказать, что я не человек, а зверь?

– Не человек и не зверь. Существо. Злобное… никчемное существо.

– Легко же ты, добренький, бьешь в мое больное!

Харкнув на тропу, близнец растер плевок носком дырявой обуви.

– Ну да, я – существо… А ты? Кто ты, своевольно замахнувшийся на священное дело Творца? Известно ли тебе, что без любви даже в естестве не получаются настоящие люди?

Глянул затравленно и в то же время пронзительно – глаза как ножи:

– В твоих домыслах есть доля правды… Ты и твой оборотень, то есть я – один человек. Должно быть, я в твоем воображении – ты сам навыворот. Но скажи: кто из нас в таком случае настоящий? Тот, кто притворяется человеком, или тот, какой есть по правде? И что это на самом деле такое – Человек?

– Устал я от тебя, Соннук, – вздохнул Атын, слабея.

– Я не Соннук! Не такой же, как ты! – на пределе голоса взвизгнул близнец. – Я не двойник, носящий личину! У двойника не может быть своего лица, а наши лики одина-

ковы, потому что одночашные братья всегда схожи! Но мы слишком разные люди, и я тоже устал от тебя до смерти!

– Так убей, – спокойно сказал Атын.

Соннук подъял кверху бескровное лицо, словно призывая небо в свидетели:

– Хитришь! Будто не знаешь: Ёлю у нас одна! Если ты умрешь, сгину и я, хотя мне уже не нужен твой отраженный Сюр…

Он запнулся, сообразив, что обмолвился. Морщась, признался нехотя:

– Я научился добывать сок жизни у спящих животных… Беру понемногу и никому не причиняю вреда. Глупые коровы привыкли и почти не замечают, когда острие батаса прокалывает им кожу на шее. Надо просто знать, в каком месте проткнуть, чтобы не текло сильно, а потом залепить ранку смолой.

Атын отступил. Притянутый за повод жеребчик вновь начал тревожно перебирать ногами.

– Ты… ты высасываешь у них кровь?!

– Да, а что? – хищно ухмыльнулся Соннук. – Живая кровь очень теплая и вкусная. Она такая у всех, кто по-настоящему жив. Но разве тебя это пугает? Не притворяйся, брат! Ведь и ты не безвинен. Еще до рождения ты пил кровь из меня!

– Ты и впрямь зверь… хуже зверя.

– У тебя целых два джогура. У меня ни одного. Отдай мне камень и коня. И я уйду.

– Чтобы ты замучил Дайира?

Атын содрогнулся. Он только тут сообразил, почему Соннук так потяжелел этой осенью. Братец нашел снадобье, способное налить жизнью плоть, меркнущую без отраженного Сюра! Снадобье, которого вдоволь там, где есть живые создания.

Сам догадался или надоумил белоглазый? Кто-кто, а уж Атын знал, как странник умеет заставить действовать даже вопреки собственной воле. Неужто он появился в долине?..

– Ну и ладно, получше коня себе возьму. – Соннук протянул руку ладонью вверх, но жест был не просящий, а повелительный. – Отдай то, что тебе не принадлежит.

– Ты не получишь Сата.

Пальцы простертой руки скрючились и приблизились к лицу Атына. Близнец зарычал, как лесной старик:

– Мой камень! Мой!

Ополоумевший конек рванул поводья. Атын невольно отшатнулся и заслонился вскинутым локтем. Казалось, двойник собрался прыгнуть и вгрызться в шею брата. Колени согнул и уже обе руки с силой вышвырнул вперед. Стало слышно, как в груди его бурлит, клокочущим хрипом исходит мощь краденого сока жизни:

– Сата!!!

Атын впервые видел Соннука таким страшным. «Меня отдали в семью Лахсы, чтобы злые духи не взяли, – подумалось отвлеченно. – А я, глупец, сам себе смастерил злого духа!»

Кое-как сдержал сумасшедшую пляску Дайира. Хлопья алой пены легли на плечо: конь все-таки порвал губу железкой и на весь лес заверещал от боли, а больше того от смертного страха.

Соннук опомнился, откачнулся. Лицо белее бересты. Помотал головой, вытряхивая из нее остатки временного помраченья. Пятясь с выставленными вперед ладонями, заговорил сипло и трудно:

– По глазам вижу: думаешь – людоед я… Не на шею твою я смотрел – на кошель… Справедливости ждал от тебя. Чаял – отдашь Сата, уйду подобру. Но нет… Нет – как всегда! Вот и сорвался… А ты гонишь теперь. Обобрал до последнего и гонишь с пустыми руками. Что ж, уйду и с пустыми!

Повернулся и зашагал по конским следам с напряженно выпрямленной спиной. Уверенно и увесисто впечатывал в землю подошвы драных торбазов. Чуть отойдя, оглянулся. К изменчивому лицу вернулась надломанная ненавистью усмешка. Глаза горели больным огнем.

– Знай, Атын, брат оборотня и людоеда! Сата предназначался мне и будет моим! И тогда держись! – Он затряс над головой кулаками, грозя неведомо кому: – Держитесь все вы, не видящие во мне человека!

Атын молча смотрел в проем тропы, где все так же сверкала нечесаная грива солнца. Облитая лучами фигура близнеца отчеканилась на свету. А по земле скользила тень. Тень – подтверждение настоящей жизни на Орто, дневное напо-

минание о ночи. Темная и плоская, как полагается быть всякой тени – отображению против солнца всего сущего. Тень вытягивалась из-под ног Соннука и, повторяя его походку, одинаковую с походкой Атына, бежала рядом, как преданная собака.

* * *

Отосут кропил землю кумысом. Несся и крался по кругу в зверином танце, страшно рыча, к беспокойству Мойтурука. Изображал то медведя, то волка, возвращался назад, клацал зубами и громко нюхал воздух. Проверял, крепко ли встает за словами заклятия стена невидимых коновязей, и дальше кувыркался-плясал с молитвой:

– К ярусам высоким взвейся, слово просьбы-заклинанья, заплетись узлом-туомтуу на лучах горячих солнца, на поводьях Дэсегея! Сын Творца, молю нижайше: охвати дыханьем теплым здесь живущих долгогривых – пегого и жен послушных, их детей, что есть и будут! Пастбища на горных склонах окружи кольцом незримым, стерегущим частоколом из священных коновязей с восьмирядною резьбою! Девять раз порушь клыкастых, восемь раз побей когтистых, разгроми семь раз коварных, потаенных, хищно ждущих черного покрова ночи!

Остался доволен. Согласно кивали лохматые сосны, участливым эхом отзывались горные духи. В завершение Дэ-

сегей весть подал, откликнулся голосом пегого вожака: замкнулось кольцо. Всю зиму до следующего прошения, куда бы ни отправился косяк, не станет хода к нему бесам и хищникам.

Когда ущелья затопила первая волна сумерек, жрец дал верховым воды и мелкого сена. В тревоге вгляделся в синий просвет над тропинкой, снял с рогули кипящий котел. Ароматный, приправленный дымком запах похлебки поплыл по вечернему морозцу, щекоча ноздри северного ветра.

Мойтурук растянулся у костра, с удовольствием потягивая носом вкусный воздух. Зевнул понятливо: ты, Отосут, еду караулишь, а я тебя сторожу. Честно приказ выполняем, ребят ждем… И встрепенулся, залаял, унесся радостно в густеющую тьму – явились конники! Познали стригуны хозяйское бремя на праздных дотоле хребтах. Всадники в отдельности мотались по тайге окрест и лишь недавно встретились на распутье.

Атын, угрюмый и молчаливый, рассеянно слушал трескотню друзей. Билэр весело сетовал, что не взял с собой лука – знатен зверьем оказался здешний непуганый лес. То-то нескучное заделье найдется завтра охотничьей снасти!

Дьоллох взволновался, приметив пасмурность брата. Подступил было с расспросами, да отвлекся на похлебку. Спохватился, уже черпая со дна, глядь – место рядом опустело. Атын, разморенный горячей едой, успел залезть в шалаш. Вскоре и Билэр засвистел в шалаше простуженным носом.

Пока сидишь, не чувствуешь сытости, а встанешь – тяжелят сонливость и лень. Дьоллоха томило нытье в больной спине. Боялся лечь рано, бессонницей известись. Отосут заварил какое-то снадобье, велел выпить и погодить со сном, пока с ног не свалит. Посоветовал песню хорошую спеть, не втуне время пережидая. Сам запросил такую, чтобы душу зацепила покрепче. Дьоллох выбрал отрывок из старого олонхо – смертную песнь вожака. Вначале согрел ей путь, украсил напевом вынутого из укладки хомуса, с которым никогда не расставался. Потом хомус вроде бы задумался, и тут далеко-далеко заржал жеребец. Ему ответил другой. Ближе, звонче зацокали копыта. Жеребцы всхрапнули, приветствуя друг друга, но вдруг один зловеще скрежетнул зубами. Следом послышались глухой удар, костяной треск и тяжкий всплеск, будто кто-то разодрал непустой симир… Все это рассказывал, яркими звуками рисовал поющий-говорящий хомус. Затих вокруг лес, гулкие горы придержали дразнилки эха, прислушиваясь к негромкой песне.

Отчаянный конь, жеребец вороной, давно ускакал ты, свободу любя, а нынче в обличье чужом предо мной возник, только сразу узнал я тебя! Отцом нашим был знаменитый вожак, стерег он в аласах норовистых жен, и ты, однотравный, веселый лоншак, был так же любовью, как я, окружен. Резвились до третьей травы, а потом соперников в нас заподозрил отец и, чтобы владеть одному табуном, изгнал повзрослевших сынов наконец. Гуляли мы, два молодых жеребца,

в небесных угодьях под яркой луной… Неужто пришел ты спросить за отца, в законном сраженье убитого мной? Зачем поменял ты наследную масть и ранил копытом утробу мою? Коль надобны стали главенство и власть, ты мог победить меня в честном бою! Тогда бы табун покорился тебе, признали бы все остальные кругом… Но ложь предпочел ты открытой борьбе – явился ко мне потаенным врагом! Прощай же, кончаю предсмертную речь, злосчастный предатель, неправедный брат, теперь лишь медведи и волки стеречь возьмутся подруг моих и жеребят!

Влагой блеснули глаза Отосута. Задела, знать, песнь, сплетенная из гордых перекатов и высоких коленцев, из боли и горечи слов, струн голоса – прозрачных, звенящих и скорбных.

– Честный лес не прощает коварства, – кивнул задумчиво жрец, подгребая к огню уголья. – Пропал табун.

Лежа без сна в шалаше, Атын медленно отмякал от мучительного оцепенения, содеянного песнью. Почему брат (Дьоллох по-прежнему почитался им за старшего брата) спел именно эту? Случайно на душу пала, смекнул о чем-то или Дилга подослал Атыну через певца невнятно остерегающий знак?

Сквозь сосновые космы входа было видно, как рвутся за переменчивым ветром прыгучие языки костра. Длинные тени Дьоллоха и Отосута волнисто изгибались в кустах и двигались вослед неверному огню. Серебристобородый дух-хо-

зяин убегал от теней то вправо, то влево, стараясь не столкнуться с ними и не наступить им на пятки. Намеренно топтать чужую тень, всем известно, – значит желать бедствий тому, кто ее носит. Когда-то матушка Лахса говорила, что играть с тенью небезопасно, ведь если проснется спящая в ней темная сущность человека, она сделает его несчастным.

Тень Дьоллоха колыхнулась и выросла. Потянулась, долгорукая, обняла все обозримое, озаренное костром пространство. Певец сладко зевнул:

– Кажется, в силу вошло зелье твое, Отосут. Пойду-ка я сон смотреть.

* * *

Ближе к рассвету Дьоллох действительно узрел удивительный сон. «Конечно сон», – уверял себя после, хотя вначале померещилось, что он, напротив, проснулся. Так бывает, когда излишне утомишься: греза блазнится явью или, по крайней мере, ясным ее отражением в чистой воде… Но хорошо, если добрая греза, а тут худое причудилось.

Он пробудился от холода, потому что Атын разметался и сбил книзу их общее заячье одеяло. И только Дьоллох собрался поправить, как кто-то просочился в шалаш. Не вошел, а именно просочился – непроницаемой тенью, сгустком человека. Или, скорее, черным привидением. «Отосут выходил и осторожничает, чтобы никого не растолкать ненаро-

ком», – предположил Дьоллох, пытаясь сам себя обмануть. Прислушался, выпученными от страха глазами вглядываясь в обрамленный ветками темно-синий проем, украшенный белой гривной луны.

Жрец спокойно посапывал у стенки. Рядом неумолчно свистел носом Билэр, а с другой стороны ворочался во сне Атын… чье бледное лицо в лунном свете отчеканилось сбоку у входа! Второй, не спящий Атын, пригнулся в ногах у Дьоллоха!..

Не могло быть ошибки. Зенки двойника мерцали зеленоватыми огоньками, будто светящиеся телячьи очи в вечернем коровнике. Рот кривился в нечеловеческой, бесовской усмешке… Так в припадке безумия усмехаются существа, потерявшие души!

Дьоллох отчетливо все разглядел, но не успел и вскрикнуть, как его, изрядно озябшего, посреди ужаса и ночи бросило в жаркий пот и, что хуже всего, в полную неподвижность. Хоть глаза успел зажмурить. Под смеженными веками заплавали, замельтешили во тьме длиннохвостые головастики. Вот только слух, всегда чуткий у певца, тоньше изощрился. Казалось, незыблемая наружная тишина раздробилась на множество вздохов и крадущихся звуков. Неподалеку жалобно заржал жеребчик. Где-то в горах хохотнула сова – дикое дитя ночи… А в шалаше не слышалось ничего постороннего, кроме бешеного стука Дьоллохова сердца. Двойник Атына то ли впрямь пригрезился, то ли дыхание затаил и за-

мер.

«Сплю, – неуверенно подумал Дьоллох, прождав довольно долго. – Во сне я». Но глаза там же, во сне, открыться не решились, и одеревенелое тело не пожелало расправиться. Недреманная память, потеснив слепой страх, лихорадочно перебрала подзабытые детские весны. Обрывистой цепью стелясь, звеньями соединились рассказ отца о дедушке Торуласе и его Идущем впереди, драка с Кинтеем и догадка Илинэ об Атыновом двойнике. Маленький скелет, похожий на сушеную крысу, брат зачем-то носил на груди в кошеле из-под кресала. Вспомнилась нынешняя странная привычка Атына таскать всюду с собой сменную одежду в заплечной суме…

Скоро выяснилось, что и во сне непомерно любопытен человек. Аж в горле запершило, так захотелось глянуть. Веки сами собой отворились. Стрельнув сторожкими глазами в проем, Дьоллох даже разочарование испытал: не было у входа никакого привидения. Вздохнул облегченно – попритчится же такое!

Отходя от немоты, тело закололо иголочками. Стало зябче прежнего. Подлая спина немедленно напомнила о себе, нанизала на острие жгучей боли позвонки загорбка и поясницы. «Вот теперь точно не сплю», – рассердился Дьоллох. Присел и… ой!.. чье-то неровное дыхание, гонимое сердечною смутой, горячо овеяло щеку! Растрепанная косица Дьоллоха поднялась дыбом: коснулся чужих трясущихся

пальцев… Они шарили возле шеи брата!

Время поскакало страшными громкими толчками. Дальше играть в молчанку парень не мог. Мг-и-ик! – звучно сглотнул. Шлеп! – схватил непрошеного гостя за руку. Запястье призрака было удивительно плотным и теплым.

– А-а-а-а! – заорал Дьоллох во все горло.

Привидение истошно заклекотало, птицей взвилось кверху! Прободав шалаш башкой, опрокинуло его набок, исхитрилось вырваться из судорожных рук Дьоллоха, из обрушенных сосновых лап, поваленных стенок… Сумасшедшим прыжком извернулось, выметнулось вон!

Колючая ветка захлестнула орущий рот Дьоллоха. Пока откашливался и плевался, студеный ветер расплел косицу, взъершил потные волосы. Стиснутый кулак все еще сжимал пустоту. Изо рта вылетали морозные облачка пара, вокруг разливалось лунное сияние. Переполошенные товарищи ругались и раскидывали сокрушенный лапник, лаял взбудораженный Мойтурук. Кони посверкивали зеленоватыми, как у призрака, глазищами. А только что въяве вопивший призрак будто в Джайан провалился сквозь землю!

Из-под кучи веток показалась всклокоченная голова Атына. В глазах его плескался ужас. Под ними, точно кто-то ольховой краской мазнул, темнели коричневые тени… Но спросил голосом обидно безмятежным, еще и с легким смешком:

– Эй, дурной сон тебе, что ли, привиделся?

– Шалаш повалил, разорался как резаный, – раздалось

сиплое ворчание Билэра.

Отосут, спросонья, пробурчал раздраженно:

– Чего вскочили, ночь еще!

Что сказать, как ответить? Зачинщик шумихи смолчал, не в силах собрать в кучку растерянные мысли. Чувствовал себя кругом виноватым. Поднялся и побрел воскрешать угасший костер.

Спать расхотелось, но, когда заструились приятные волны тепла, Дьоллох подтащил ближе к огню груду веток. Забрался в них с головой, чтобы не видеть предутренней суеты, не слышать насмешек. Пальцы одну за другой безотчетно обрывали длинные иглы с ветви. Будто девчонка влюбленная, гадал на иглах Дьоллох: спал он – не спал? «Да сон же, сон!» – боролся с собой. Тщился разобраться в причудах растревоженной памяти… Не выдержал, подозвал брата:

– Скажи честно: кто приходил ночью?

– О ком ты? – отозвался Атын, вытряхивая Мойтуруку остатки съестного из переметной сумы. – Отосут вчера провел заклятие против зверей и духов. Разве тут может шастать кто-то, кроме лошадок?

– Двойник, – приглушил голос Дьоллох. – Точно такой же, как ты! Я видел, луна светила. Он хотел тебя задушить, и я поймал его за руку. Сам он был как призрак, а рука теплая…

– Да ладно тебе, – перебил Атын и скучающе глянул в огонь. – Ты видел сон. Иногда кажется, будто все наяву происходит, и после долго не верится, что это просто сон. Может

быть, ты нечаянно подсмотрел, как вернулась из странствий моя воздушная душа, а твоя душа потом придумала сказку о призраке, чтобы тебя удивить. Клади под изголовье нож, и дурное перестанет сниться.

– Совсем запутал меня, – смутился Дьоллох.

Ночное происшествие таяло в набирающем силу рассвете. Видно, впрямь приморочился призрак. Не навлекло ли диковинный сон снадобье Отосута? Мало ли какие дурманные травы жрец намешал. Говорят, иные невинные на вид цветочки способны открыть человеку глаза в потусторонние миры…

Так размышлял Дьоллох, а из ума не выходило белое в свете луны, злобное лицо.

– Ну и свиреп же лик твоей воздушной души, – заметил тихо.

Скользящий взгляд Атына пронесся мимо скорее стрелы:

– Была ли у нее тень?

– Э-э, сам подумай – какая у души может быть тень! – Дьоллох привстал на локте. – Вот глаза, рот, подбородок – все твое!

– А нос?

– Не помню… Слышал, правда, как душа дышала и принюхивалась.

Билэр у костра, услыхав последнее, изрек глубокомысленно и, как всегда, невпопад:

– Носы дышат и одновременно ощущают запахи. Глаза

смотрят и затворяются, чтобы мы отдохнули. Рты утоляют голод, а также потребность говорить и петь. Все отверстия в человеке отвечают за несколько дел и чувств. Это правильно. Иначе бы люди были многодырчатыми, что небережливо.

И все засмеялись.

Косяк лошадей с сопровождением тронулся к ближнему расколу[5].

Пегий привередничал. Гнал кобыл неохотно и норовил повернуть их в сторону. Сердитым глазом целился в шныряющего рядом пса. Не приближайся, мол, не то как двину копытом! Задирая заносчивую собаку, силился сорвать обиду, а засим спихнуть на ветер и свою невнятную вину.

Вожак помнил дорогу к расколу и знал о предстоящей разлуке с большей половиною жен до кумысного праздника. А может, многотравным опытом умудренный, печалился, догадываясь, что с иными подругами встретится не грядущей весной, а годы спустя, и уже не на Орто.

---

[5] Раскол – место, обнесенное изгородью, для отбора лошадей из табуна.

Домм второго вечера
Снадобье от холода

Болезнь снедала Урану, как древоточец березу. К осени недуг доконал – слегла и почти уже не вставала. Время стало досужим, долгим, растянулось ползучими кусками. От непривычного безделья чувства стали острее и тоньше.

«То, что пролилось, не почерпнешь, не наполнишь им жизнь», – размышляла Урана, стараясь не замыкаться на главном – на нелюбви Тимира, и ждала боли. Боль помогала отодвигать саднящие мысли.

Уране опротивело собственное тело. Дряблое, обмякшее, оно не желало держаться на слабых ногах. Вечерами в слабую плоть проникал холод, пронизывал от стоп до макушки. Урана чувствовала, как кожа ее, подобно почве под больным березовым комлем, покрывается плесенью, мхом и хилыми былинками. Потом в угол ближнего, видного из-за занавески окна заглядывала ночь, разрешая отойти ко сну. Мутная дрема тяжелила веки.

Часто женщину мучил один и тот же сон. Держась за подвешенную к столбу перекладину, она, простоволосая, с развязанными узлами на одежде, рожала в восьмигранном шалаше. За окном бушевал ветер, а из нее трудно и больно выползали два мокрых, дрожащих щенка. Царапали живот острыми коготками, цеплялись за взбухшие молоком сосцы, от-

талкивая друг друга… Ах, не сбегаешь на непокорных ногах к Большой Реке! Не спросишь у родимой совета, как избавиться от скверного сна, не справишься, зачем он снится… Но сегодня привиделось другое, вовсе тревожное и непонятное. Пригрезился сынок, уехавший в высокогорные долы.

Урана тихо гордилась сыном. Аймачные стали доверять ему, почти уже взрослому человеку-мужчине, ответственную работу. Отправили с друзьями, как опытных табунщиков, к самому далекому косяку. Эти лошади принадлежали войску.

Когда думала о муже – ночь была длинна, теперь ждала сына – день стал долог. Больше всего об Атыне в эти дни печалилась. Потому, верно, и пожаловало загадочное видение, разбередившее душу. Жаль только, что узреть во сне сыночка не удалось. Будто в настоящей ночи, стояла глухая темень, хотя греза была как явь, чистая-чистая, со всеми доподлинными, яркими чувствами-ощущениями.

Сын сел на колени у лежанки Ураны, положил голову ей на плечо и заплакал. Она гладила его теплый затылок. Волосы пахли дымком. Мягкие, послушные, ниспадали вольно. Видно, где-то потерял стягивающий ремешок. Широкие плечи тряслись. Большой… Ростом отца догнал, свататься пора… А сам плачет…

– Матушка, – проговорил глухо и жарко, ловя ее руки, – матушка! Редко могу я видеть тебя, да и то лишь ночью. Теперь совсем попрощаться пришел.

– Куда уходишь? – испугалась, едва не вскричала Урана. Сторонним умом вспомнила, что это сон, и все равно голос понизила, чтобы мужа с Олджуной не разбудить.

– Велик лес, еще огромнее Орто. Найдется место жития твоему бесталанному сыну, – горестно прошептал Атын и поцеловал ее ладони. – Может, не приведется свидеться больше, так хочу сказать тебе, матушка, что любовь свою всегда в сердце ношу и носить буду, покуда живой.

– К кому любовь? – спросила, лишь бы не молчать, лишь бы молвить что-то. А сердчишко дятлом забарабанило в недобром предчувствии, в голове померкло от горя. Приподнялась, к груди прижала, тщась задержать, не пустить. Век бы так согласилась сидеть – сердце к сердцу.

– Тебя, матушка, люблю я, – молвил в самое ухо. – Не отца, не брата, тебя одну.

И что с того, что тощее тело Ураны дремало, глупое, в хрупком покое! Долгожданное счастье пролилось в неспящую душу – впервые матушкой назвал сын. А ведь до сих пор избегал этого слова, привычного для любого чада. Знала ревнивым умом: больше всего Атыну люб дом кормилицы, куда норовит убежать, только б нашлась причина. Но сон не сон, тут же безоглядно, бесповоротно поверила сказанному. «Тебя, матушка, – ласкало, нежило сердце, – тебя одну».

Все же спросила, надломившись сухим голосом:

– А как же тетушка Лахса, сыночек? Дьоллох, Билэр, Отосут, друзья твои? Илинэ? Ее-то неужто не любишь?

Он отстранился, помедлил и снова всхлипнул:

– Не признаёшь меня, с братом путаешь. Это ему они нужны. Илинэ… Зачем мне Илинэ? Других девчонок на свете полно. Прощай, матушка. Лихом не поминай невезучего.

Встал бесшумно и закрыл за собой занавеску. Урана побоялась окликнуть. Услышала только, как скрипнула дверь, студеным ветром понизу просквозив…

Почти сразу очнулась, ощупала влажное плечо. Спросонок подумала: сын на нем плакал. И опомнилась – что ж это за наваждение, неужели сон с явью смешался? После рассудила: должно быть, спящее тело бросило из привычного холода в жар, отсюда и лихорадочный пот на тонкой ровдуге платья, которое перестала на ночь снимать.

«Откуда взяться поту в иссохшем теле?» – возразил внутренний голос. Урана от него отмахнулась. Без того воздушная душа, что вечно носится с ее думами, как осень с листьями, кучу вопросов в голову нагнала.

Утром Урана забылась ненадолго и вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Вздохнула обреченно: «Учуяла одноглазая мою неспособность к отпору. В полусне и унесет». Но вспомнилось, как однажды обещала огню не сдаваться. Дух-хозяин никогда ее не обманывал. Так разве Урана с ним станет хитрить? Ведь все еще оставалась, далекой звездочкой мерцала надежда. Все еще уповала Урана на нерасторопного Дилгу. Если б не эта вера, умерла бы сразу,

рухнула, как пустотелая береза в бурю. Вера – ожидание чуда, а ожидание – надежда, и круг когда-нибудь замкнется.

Ущипнула себя за руку, не открывая глаз, вызвала благословенную боль. Привычная тягучая ломота проникла в тело, по всем косточкам-суставам покатилась и сообщила: «Живая ты».

Колыша занавеску, сбоку стоял Тимир.

– Проснулась, – сказал странно дрогнувшим голосом, присел на край лежанки. Из-под подушки, нежно звеня, выпала маленькая вещица – серебряный чорончик на витой цепочке, похожий на длинную каплю.

– Что это? – спросил.

– Обруч мой наголовный, – робко сказала Урана, не смея глянуть мужу в лицо. – Хочу дочке Лахсы подарить… можно?

– Твоя вещь, – пожал плечом Тимир. – Дари кому хочешь.

Вытянул обруч, внимательными пальцами прошелся по гравировке нарядных пластинок, по чорончикам, начищенным до лунного блеска. Вспомнил, наверное, как сам, двенадцативёсный, отливал эти подвески под присмотром отца. Грузно поднялся:

– Тут шаман тонготский к Сандалу приехал… – и запнулся, хмурясь: – Или из ньгамендри он? Ну, разницы нет. К нам придут сегодня, шаман покамлает. Может, вылечит тебя. Не двигай занавеску, а то лежишь, как в скорлупе.

Уходя в кузню, отдернул ровдугу, открыл домашний об-

зор. Сердце Ураны екнуло, не веря: в кои-то веки поговорил с нею суровый муж!

Дожить бы до внуков. Вдруг да оттает душа Тимира рядом с желанным детским лепетом-смехом, простит незадачливую жену… Затолкнула девичий обруч под циновку, и мысли переметнулись к Илинэ.

Раз или два в седмицу девушка приходила проведать больную. Помогала Олджуне управиться во дворе, доила коров и до вечера засиживалась. Училась волосяные циновки плести. В такие дни Урана забывала о хвори. Радость весенней улыбкой цвела на лице и в душе. Смотрела на Илинэ и наглядеться не могла. В глазах начинало щипать от мысли, какую же умницу и красавицу вырастила добрая Лахса из ростка сомнительного семейства. Из сытыганского подкидыша, брошенного в страшную непогодь на порог юрты Сандала…

Осень Бури, время рождения Илинэ, унесла жизни людей Сытыгана. В тот год сын получил имя. Подробности дня, когда главный жрец пришел с новорожденной девочкой к кузнецам, втравились в воспоминания Ураны прочно, как прославленные ее краски въедались в продымленные кожи. И то, что Илинэ приходится Олджуне родною младшей сестрой, тоже намертво вбуравилось в мысли.

Сандал велел забыть о тайне появления Илинэ на Орто, и правильно, не то люди, зная, из чьего она аймака, невольно и к ней бы прилепили родовое проклятие. Но сказать жрецу

было легко, а корни памяти ножом не вырежешь. Помнит ли Тимир? Урана и в доброе-то время не заговаривала с ним об этом, в последующее и подавно…

Нередко думалось: не иначе сама Олджуна принесла в жреческое селенье младенца, произведенного на свет матерью Кэнгисой незадолго до несчастья. Однако за все весны баджа Тимира ни словом себя не выдала. Как позже выяснилось, свои и чужие тайны семья кузнеца умела хранить не хуже, чем огонь рода, которым ни с кем не делятся.

Дивилась Урана равнодушному отношению молодой женщины к Илинэ, единственно родной по крови. А бывало, ловила кинутый на нее неприязненный взор. Ревнивой завистью исходил он то ли к невинной юности, то ли к бесхитростной красоте девушки.

Обе сестры были пригожи, обе светлолицые, белозубые, гибкостанные. В остальном, как ни странно, вовсе не походили друг на друга. Яркая наружность Олджуны, влекущая мужчин, словно глупых мотыльков на огонь, подувяла, поблекла. Да и не могло хватить краткосрочной любви Тимира на то, чтобы вызреть его бадже пышно, по-женски счастливым, победным цветом. А скромницу Илинэ с первого взгляда мало кто замечал. Ну, волосы длинные, густые и, что редко у людей саха, кудрявые. Ну, глаза пошире, поискристее, чем у других. Но у других и заманчивее прелестей в достатке. Однако стоило человеку всмотреться в Илинэ внимательно, и взгляд смягчался. «Идет, будто узоры вышива-

ет», – говорили соседки. Бесстыжие друзья Дьоллоха, игрецы на певучих снастях, языками цокали восхищенно: «Песня – смотреть, как ступает по земле сестрица твоя!» Впрямь чудилось – светит сквозь девушку солнце. Какие бы думы голову ни волновали, бездумному оку становилось досадно ее потерять. Взору хотелось следовать рядом, любуясь легкими движениями Илинэ.

Сынок готов был отправиться за нею за восемь пределов Срединной, лишь бы позвала. Урана все видела и немало о том тревожилась. Поэтому, как ни сладко вспоминалось признание сына во сне, неправдоподобными казались его слова: «Зачем мне Илинэ? Других девчонок на свете полно». Может, отступил от нее, обиделся на что-то? Говорят, первая юная, пылкая любовь – обычное испытание перед настоящей».

Странно было думать Уране, что у любви, как у Орто, много разных сторон.

Олджуна обмолвилась, будто воительница Модун следующей осенью после воинского Посвящения намерена послать сватов в дом с травяными узорами. Юрту няньки Атын еще в детстве охрой обрисовал. По сию пору цветы не сошли, хозяйка их не замазывает. Олджуна сказала: Лахса заранее по Илинэ плачет. Даже слухи об отменном калыме, обещанном багалыком, не тешат приемных родителей. Уйдет дочка в заставу, кто тогда за стадом-табуном приглядит? На Дьоллоха сызмальства мало надежи. Ничто парня не интересует,

кроме песен-сказаний да хомусной игры. Вряд ли найдется в Элен доброе семейство, которое пожелает отдать дочь за горбатого игреца. Разве что издалека возьмет такую же ущербную…

Сын поныне Дьоллоха братом считает. А сам почему-то сказал: «Не признаёшь меня, с братом путаешь». Вовсе непонятно… Урана спохватилась: во сне ведь! Что сон! Большая половина из того, что воздушная душа подсказывает, – голимая блажь, лишняя голове докука.

Открылась дверь, и зашла Илинэ, будто мысли Ураны ее кликнули. Испуганные глаза девушки вспорхнули к открытой занавеске, руки прижали к груди туесок. Помешкала и вздохнула облегченно. Жива тетушка, без худой нужды отодвинули ровдугу, для свободного света. Давно бы так! Коротко перекинулась новостями с младшей хозяйкой. Руки погрела у камелька, чтобы не с холодными к Уране подходить. Улыбнулась весело, присматриваясь к левому углу с легкой придиркой – хорошо ли за больной ухаживали.

Грех жаловаться, Олджуна не забывала поить-кормить, с остальными кое-какими делами справляться. Но лишь Илинэ заботилась по-настоящему. Вот и в этот раз с мыльным щелоком помыла зябкую тетушку, сполоснула горячей водой с травяным настоем. Юрта окуталась душистым паром с нежным запахом шиповниковых лепестков. Счастливое тепло растеклось по хилому телу Ураны. Проворные девичьи руки растормошили, растерли его маслом кедровых

орехов из принесенного туеска, переодели в вычищенную одежу. Изредевшие волосы легли на спину переплетенной косой. Илинэ скатала постель и побежала во двор выбивать-освежать.

Досадливо кривя губы, Олджуна хмыкнула:

– В невестки напрашивается.

– Добро бы, – сидя на циновке, слабо отозвалась Урана. Вздохнула с сожалением: – Лучше-то не найти, да Атын ей все еще братом мнится.

– Люди сказывали, что девчонке и Болот не мил, – бросила Олджуна.

Остановилась на полпути к камельку, сжимая в руках мису с нарубленным для супа мясом.

– Не иначе ждет, гордая, когда к ней сам багалык присватается!

– Чирей тебе на язык, – с сердцем сказала Урана. – Как только такое на ум пришло!

– Приметила я: как девка Хорсуну на глаза попадется, так он глаз с нее не спускает, – заполыхала Олджуна щеками. – А тут к нему еще Долгунча эта наглая льнет и другие, кто еще беспутнее, вяжутся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.